

18+

6

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ

Лина Вей

18+

Лина Вей

Смертельный квест

<https://litres.ru/74575132>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девять человек. Одно письмо. Ни одного выхода.

Артём Волков создал идеальный квест: девять комнат, девять загадок, ни телефона, ни связи с миром. Всё продумано — от мягкого света в коридорах до металлических фишек с номерами, которые участники сжимают в руках, как последние доказательства того, что они ещё живы.

Но на стене первой комнаты появляется считалочка. Девять строк. Девять имён. И первая гаснет в темноте, не успев крикнуть.

С каждой комнатой кто-то умирает. С каждой загадкой становится ясно: это не случайность, это — счёт. Кто-то ведёт его. Кто-то знает про каждого то, что каждый предпочёл бы забыть. Учительница, которая унижала. Врач, который выписал. Журналистка, которая написала. Парень, который удалил. Каждый — по капле, по слову, по бездействию — довёл до края девушку по имени Аня.

А Артём, её брат, стоит у стены, руки в карманах, и говорит: «Я не убиваю».

Лене Мироновой, психологу, остаётся решить: верить ему или нет. Потому что пока она думает, считалочка не остановится

Содержание

Пролог. Письмо	4
Глава 1. Сбор на парковке	13
Глава 2. Вход	25
Глава 3. Первая комната	35
Глава 4. Тёмная комната	50
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дина Вей

Смертельный квест

Пролог. Письмо

Конверт лежал на полке для обуви у входной двери.

Дина заметила его, когда вернулась из магазина — два пакета, тяжёлые, с продуктами на неделю, потому что готовить каждый день она не любила, а заморозка решала. Она ставила пакеты на пол, разувалась, и тут — белый конверт, аккуратный, чуть выступающий за край полки, будто кто-то засунул его в щель между дверью и косяком.

Никакого обратного адреса. Никакой марки. Только её имя — «Дина Соколова» — и адрес, напечатанные так чисто и ровно, что Дина сначала подумала: курьер. Но курьеры звонят. И стучат. И не оставляют конверты в щели между дверью и косяком.

Она занесла пакеты на кухню, поставила молоко в холодильник, а конверт положила на стол — и пару секунд просто смотрела на него, будто он мог сам объяснить, откуда взялся.

Кухня у Дины была маленькая, но уютная. Жёлтые шторы, которые она сама сшила на старой машинке, доставшейся от бабушки. Машинка стояла на подоконнике — тяжёлая, чёрная, с ручкой-маховиком, которую надо крутить рукой. Ди-

на ею не шила, только шторы один раз, но выбросить не могла. Машинка была красивая. Как вещь, которая стоит просто потому, что нравится.

На холодильнике — магнетики. Париж, Рим, Стамбул. Дина была только в Стамбуле, но магнетики покупала на «Ярмарке мастеров» — ей нравилось, как они блестят. Ещё на холодильнике висел календарь, и на сегодняшнем квадрате — четвёртое октября, воскресенье — она утром нарисовала маленькую звёздочку. Просто так. Просто хорошее утро.

Она заварила чай — листовой, из жестяной коробки с японским садом на крышке. Кружка была её любимая — бежевая, с отколотым краем. Она её не выбросила, потому что отколовшаяся часть была с другой стороны, и чай не выливался, и пить было удобно. Она села за стол, придвинула конверт ближе, подышала на чай.

Потом взяла нож для масла — он лежал рядом, на разделочной доске, потому что утром она мазала хлеб творожным сыром — и вскрыла конверт.

Бумага внутри была плотная. Не принтерная — другая, какая-то тёплая, с лёгкой шероховатостью, как у дорогих открыток. Текст напечатан типографским шрифтом, не домашним лазерным, а настоящим, с едва заметным вдавливанием букв в бумагу. Дина провела подушечкой пальца по строчкам и почувствовала, что буквы — выпуклые, настоящие.

Запах — тоже типографский. Не резкий, не химический, а такой, как от новой книги, которую только что открыл. Тёплый, чуть сладковатый, с горчинкой краски. Дина любила этот запах. В детстве она нюхала все книги в библиотеке — маме было стыдно, а библиотекарьша тётя Оля только смеялась: «Пусть нюхает, это лучше, чем жрать конфеты».

Текст:

Уважаемая Дина Соколова!

Вы приглашены на закрытый бета-тест новой квест-комнаты «Комната без окон».

Вы были выбраны потому, что ваш профиль идеально подходит для концепции.

Дата: 12 октября. Место: ул. Ленина, 14, бывший завод «Респиратор», корпус 3. Время: 19:00.

Просим вас иметь при себе полученную фишку с персональным номером. Телефоны на время прохождения изымаются — это часть формата.

С уважением, команда «Комната без окон».

Дина перечитала дважды. Потом рассмеялась — громко, от неожиданности, так что чай плеснул через край кружки на палец.

— О, квест! — сказала она вслух. Кухне. Никому. — Давно хотела.

Она и правда хотела. Полгода назад подруга Лера ходила на квест — «маньяк в больнице», или что-то такое — и две недели рассказывала: как искали ключ от подвала, как

один парень так перепугался, что выбил дверь ногой, и им засчитали. Лера смеялась, показывала фото — все в бахилах и пластиковых фартуках, мокрые от пота. Дина смотрела и думала: хочу.

Но она не записалась. То работа, то кастинги, то — просто не до того. Жизнь как-то так сложилась, что всё важное откладывается, а неважное — делается само. Молоко покупается, шторы шьются, звёздочки на календаре рисуются. А квест — откладывается.

И вот — он сам нашёл её.

Дина достала из конверта фишку. Та лежала отдельно, в маленьком кармашке из кальки, привязанном к письму тонкой ленточкой. Дина развернула кальку, вытряхнула фишку на ладонь.

Фишка была тяжёлая. Металлическая, холодная, круглая — как монета, но больше, и толще. По краю — кантик, как у настоящих монет. На лицевой стороне — номер: 4. Выгравированный, не напечатанный, не выдавленный штампом, а вырезанный тонкими линиями, будто кто-то выводил их вручную. На обороте — ничего. Гладкий, чуть шероховатый металл.

Дина подкинула фишку на ладони. Тяжёлая. Красивая. Она любила такие вещи — тяжёлые, приятные на ощупь. Браслеты из толстого серебра, перстень-печатку, который носила на мизинце. Вещи, которые чувствуешь на руке и которые напоминают, что ты — здесь.

Она встала, подошла к окну. За стеклом — серый город. Небо серое, море серое, дома серые, и только фонари кое-где — рыжие. Дина смотрела на двор, на детскую площадку, на которой никого не было — холодно уже, и мамы с колясками перебрались в торговый центр. На парковку, где чья-то «буханка» стояла вторую неделю и покрывалась инеем. На деревья, которые ещё не сбросили всё — держались за листву, жёлтую и мокрую, будто стыдно было стоять голыми раньше соседей.

Серый город. Дина любила его. Не за красоту — красоты здесь почти не было, — а за то, что он не пытался быть красивым. Он просто стоял, как стоял. Честный город.

— «Ваш профиль идеально подходит», — пробормотала она, перечитав строчку из письма. — Какой у меня профиль?

Она была актрисой. Точнее — хотела быть актрисой. Точнее — была, но не там и не так, как мечтала в семнадцать лет. Она снималась в рекламе — не в главной, а так, на заднем плане. Играла в любительском театре при Доме культуры — там хорошо было, там были свои, там она могла плакать на сцене и знать, что это — правильно. Ходила на кастинги — и иногда проходила, и тогда улыбалась неделю, и иногда — нет, и тогда покупала себе пирожное с заварным кремом и ела его на подоконнике, глядя на серый город.

Профиль. Может, они искали людей с «творческим бэкграундом». Может, они искали тех, кто не боится. Дина не боялась. Она вообще мало чего боялась — темноты не боя-

лась, высоты не боялась, одиночества не боялась (одиночество она даже любила, оно было тихое). Боялась она только одного — что ничего не изменится. Что в сорок она будет так же ходить на кастинги и есть пирожные на подоконнике. Что звёздочки на календаре так и останутся — просто звёздочками.

Но об этом — потом. А пока — квест.

Дина положила фишку на стол, рядом с кружкой. Чай остыл, она подогрела его в микроволновке, вернулась, села. Позвонила Лере.

— Лер, мне пришло приглашение на квест. «Комната без окон». Слышала?

— «Комната без окон»? — Лера помолчала. — Неа. Какой-то новый?

— Новенький, да. Бета-тест. «Профиль идеально подходит для концепции». Прикольно, да?

— Прикольно-прикольно. А от кого?

— Обратного адреса нет. Но бумага дорогая. И фишка — металлическая, тяжёлая. С номером.

— С номером? — Лера засмеялась. — Как в лотерее. Четвёртая? Ну, четвёрка — это твоё число. Не тринадцать, и слава богу.

— Они всем номера прислали? Или только мне?

— Дин, я не знаю. Я на этот квест не записывалась. Мне «маньяк в больнице» хватило.

— Да ладно, тебе понравилось!

— Мне понравилось, что Серёга дверь выбил. А так — страшно было. Я потом две ночи спала со светом.

Дина засмеялась. Лера засмеялась. Они поговорили ещё минут пять — о погоде, о том, что яблоки в этом году мелкие, о том, что в «Рембрандте» выставка поменялась, и стоит сходить. Потом Дина попрощалась, допила чай, помыла кружку.

Восемь вечера. На улице — темно уже, октябрь, темнеет рано. Дина включила свет на кухне, убрала продукты, разложила по полкам. Поставила кастрюлю с водой для макарон — есть захотелось. Пока вода закипала, она снова взяла фишку со стола.

Четвёртая. Металл согрелся от воздуха в кухне, стал не таким холодным. Дина вертела фишку в пальцах, читала гравировку — тонкие линии, которые ловили свет лампы и блестели, как рисовые зёрна.

На улице — серый город. В кухне — жёлтые шторы, бабушкина машинка, остывающие макароны. Фишка номер четыре, тяжёлая и красивая.

Дина положила её на полку рядом с магнетиками. Париж, Рим, Стамбул. И маленькая металлическая фишка — между Стамбулом и магнитом в виде трамвая, который она купила просто потому, что трамвай был рыжий.

Она не знала, что в этот вечер, в этом городе, ещё восемь человек держат в руках такие же фишки. С номерами один, два, три, пять, шесть, семь, восемь и девять. Что каждый по-

лучил такое же письмо — на такую же плотную бумагу, с таким же типографским запахом, с той же формулировкой: «Ваш профиль идеально подходит для концепции».

Она не знала, что кто-то написал эту считалочку — по строке на каждого — и вырезал её на стене в комнате, где нет окон. Что считалочка начинается со слов «Девять вошли» — и что четвёртая строка звучит так: «Вторая разобьётся вместе с зеркалом».

Нет, не про Дину. Про неё — третья. «Третья пойдёт ко дну в тихой воде».

Хотя — нет. Стоп.

Дина — четвёртая. По номеру фишки.

А по считалочке?

«Вторая разобьётся вместе с зеркалом».

Нет. Дина — не вторая. Дина — первая.

«Первая падёт во тьме, не видя руки».

Дина не знала этого. Она стояла на кухне, ела макароны с сыром, смотрела на серый город, и думала о том, что на следующей неделе — квест. Что будет здорово. Что надо надеть удобную обувь. Что Лера, может, тоже запишется, если попросить.

Фишка блестела на полке, между Стамбулом и рыжим трамваем.

Восемь вечера. Октябрь. Серый город. Тихая кухня.

Всё было спокойно.

Всё было обыденно.

Пока — да.

Глава 1. Сбор на парковке

Артём приехал первым.

Не потому, что волновался — просто привык. На любой съёмочной площадке, на любом объекте, где он запускал свои квест-комнаты, он приходил за полчаса. Проверял замки, свет, вентиляцию. Привычка, которая осталась ещё с тех времён, когда он монтировал первые комнаты в гараже у друга — два на три метра, замок от калитки, реквизит из «Икеи» и фары вместо монитора. Тогда ему было двадцать три, и он думал, что создаёт развлечение. Теперь — двадцать восемь, и он думал, что создаёт что-то большее.

Машина — обычная, серая «Лада», которую он не мыл две недели, потому что не видел смысла: дождь в городе не кончается, он просто делает перерывы. Артём припарковался у дальнего края стоянки, заглушил двигатель, посидел минуту. На пассажирском сиденье — термос с кофе и маленький блокнот в кожаной обложке. Он открыл блокнот, перечитал последнюю запись. Закрыл. Убрал в бардачок.

Здание стояло перед ним — бывший завод «Респиратор», корпус третий. Длинное, приземистое, из того серого бетона, который с годами не стареет, а просто становится более собой. Часть окон — целые, с новыми рамами: это тот кусок, который Артём арендовал и перестроил. Остальные — выбиты или заколочены, и за ними — темнота, пыль и голуби,

которые не знают, что завод закрылся.

У входной двери — табличка. Чёрная, с белыми буквами: «КВЕСТ-ПРОСТРАНСТВО "КОМНАТА БЕЗ ОКОН"». Ниже — мелким: «Бета-тест. Посторонним вход запрещён».

Артём вышел из машины, поставил термос на капот. Ветер был холодный, октябрьский, с запахом моря, который в городе не уходит, а только усиливается к вечеру. Артём стоял, смотрел на здание, и лицо у него было спокойное. Не напряжённое, не расслабленное — просто спокойное, как у человека, который точно знает, что будет дальше.

Второй — через десять минут — приехала Лена.

Не приехала, а подошла. Пешком, от остановки. Она вышла из автобуса, и Артём увидел её издалека: высокая, в тёмном пальто, с сумкой через плечо и походкой человека, который ходит быстро не потому, что торопится, а потому, что привык. Психологи так ходят — они знают, что время не ждёт, и не любят тратить его на дорогу.

— Артём? — спросила она, подойдя. — Лена Миронова. Мне написали, что вы организатор.

— Артём Волков. Да, я. — Он улыбнулся и протянул руку. Рукопожатие у неё было крепкое, сухое, быстрое — рука человека, который жмёт руки двадцать раз на дню и не придаёт этому значения. — Добрый вечер.

— Добрый. — Лена огляделась. Посмотрела на здание, на табличку, на выбитые окна, на Артёма. — Знаете, я когда шла, думала: может, это розыгрыш. А письмо серьёзное. Бу-

мага — я такую в руки последний раз держала, когда диплом защищала.

— Мы любим качество. Концепция — личная, и подача должна соответствовать.

— Концепция — квестов как инструмента групповой динамики. — Лена сказала это без вопросительной интонации, как констатацию. — Мне это интересно. Я работаю с групповой терапией, и мне всегда было любопытно, как стрессовая ситуация в замкнутом пространстве влияет на взаимодействие.

— Отлично. Мне как раз нужен кто-то, кто умеет читать людей. — Артём улыбнулся шире. Улыбка у него была хорошая — тёплая, немного асимметричная, левый угол рта выше правого. Улыбка, которой хочется верить. — Пойдёмте, подождём остальных внутри? Холодно.

— Нет, давайте здесь. Я хочу посмотреть, как они приезжают.

Артём посмотрел на неё — внимательно, но без нажима. Лена стояла, заложив руки в карманы пальто, и смотрела на дорогу. Её лицо было ровным, спокойным, с той профессиональной невозмутимостью, которую нарабатывают годами работы с чужими кризисами. Но глаза — карие, с тёплой рябью — были живыми. Она и правда смотрела на дорогу так, будто уже читала кого-то, кто ещё не приехал.

Третьим приехал Максим.

Чёрный «Ленд Крузер», тонированный, чистый — кто-то

мыл его сегодня, хотя дождь. Выехал на парковку так, будто был один на свете — широкий, уверенный, с гудком, который он дал просто так, не потому, что кто-то мешал, а потому, что мог. Машина заняла два места — не специально, просто Максим парковался так, как ехал: широко.

Он вышел — большой, в кожаной куртке, с телефоном у уха. Говорил: «Да. Нет. Послезавтра. Скажи им, что если не — то я найду других». Убрал телефон. Посмотрел на здание. Посмотрел на Артёма и Лену.

— Это квест? — спросил. Голос — громкий, низкий, привыкший к помещению, где больше тридцати человек и музыка.

— Это. Артём Волков, организатор.

— Максим Орлов. — Рукопожатие — тяжёлое, мокрое (рука потная, хотя холодно). — Мне пришло письмо. Думаю: почему бы нет. Жена сказала: «Макс, ты что, как ребёнок?» А я — почему нет? Надо же иногда.

— Конечно. — Артём улыбнулся. — Все так говорят.

— Кто все? — Максим оглядел парковку. — А мы одни?

— Остальные скоро.

Лена смотрела на него и молчала. Но Артём заметил, что она чуть сдвинула бровь — едва заметно, на миллиметр. Он уже начинал понимать, как она «читает людей»: не словами, не жестами, а мелочами, которые другие не видят.

Четвёртой приехала Дина.

Такси — жёлтое, старое, с рекламой шин на борту. Она

вышла, расплатилась, сказала водителю: «Спасибо, удачи». Коротко и тепло. Артём заметил, что таксист улыбнулся — значит, она сказала это так, как говорит с людьми, и люди это чувствуют.

Дина была маленькая, в джинсовой куртке поверх худи, с рюкзаком и шарфом, который она намотала до подбородка. Волосы — каштановые, собранные в хвост, из которого выбивались пряди. Лицо — подвижное, живое, с теми бровями, которые двигаются, когда человек думает, и человек не знает об этом. Актриса. Артём сразу увидел.

— Дина? — спросил он.

— Да. А вы — организатор? — Она улыбнулась. Улыбка была открытая, чуть смущённая. — Я если честно, думала, что будет что-то... ну, более официальное. А здесь — парковка и ветер.

— Это часть концепции. Ничего лишнего.

— Понятно. — Она засмеялась. Звонко, коротко. — А я ужин не ела. Там еда будет? А то я на такси села голодная, думала — приеду, будет фуршет.

— Будет, — соврал Артём. Спокойно, без паузы. — После.

— Хорошо. — Дина сунула руки в карманы и притоптала. Ей было холодно, но она не жаловалась, просто двигалась — переминалась, ёрзала, смотрела по сторонам. Энергия била из неё, как тепло из батареи.

Пятым пришёл Виктор.

Пешком, не торопясь. Он вышел из-за угла здания — от туда, где ряды старых гаражей уходили к жилому кварталу. Шёл медленно, тяжело, как человек, который привык ходить пешком, но не любит. Серый плащ, шапка, очки. Лицо — усталое, морщинистое, с тем выражением, которое бывает у врачей, когда они не на приёме, но всё равно на работе.

— Зайцев, Виктор Петрович, — представился он, и руку протянул первым — сухую, холодную. — Я здесь рядом живу. Два дома. Думал — пешком дойду, зачем машину гнать.

— Правильно, — сказал Артём. — Виктор Петрович, вы у нас, значит, по...

— По письму. Да. «Ваш профиль подходит». Я, честно говоря, не понял, какой у меня профиль, но — интересно. Я в квестах не бывал, но коллеги рассказывали. Говорят, психологически — полезная вещь.

— Вы врач?

— Врач. Терапевт. Восемнадцатый год. — Он снял очки, протёр, надел. — На пенсии. Уже.

Артём кивнул. Виктор достал из кармана пальто фишку — номер три — и повертел в пальцах. Руки у него были большие, грубые, не хирургические, а терапевтические: те, что слушают пульс, пишут рецепты, похлопывают по плечу.

Шестой подъехала Соня.

На маленькой «Мазде», заляпанной грязью по пояс. Она вышла с ноутбуком — не в сумке, а просто в руках, прижав к груди, как школьник дневник. Куртка — короткая, не по по-

годе, но на ней — значок: «Пресса». Старый, советский, который она нашла на барахолке и носила, потому что «смешно».

— Соня Кузнецова. Журналист. — Она сказала это быстро, чётко, будто зачитывала визитку. — Я буду писать о квесте, если он будет интересным. Если нет — не буду.

— Он будет, — сказал Артём.

— Посмотрим. — Соня огляделась, открыла ноутбук, что-то записала. Артём заметил, что она пишет быстро, не глядя на клавиатуру, и не закрывает ноутбук, когда заканчивает. Профессиональная привычка — всё записывать, ничего не закрывать.

— А вы всех нас выбрали? — спросила она, не отрываясь от экрана.

— Алгоритм. Мы собираем профили участников, чтобы группа была разной.

— Удобно. А что если кто-то не придёт?

— Все пришли. Значит, алгоритм работает.

— Пока. — Соня подняла взгляд. Глаза у неё были серые, внимательные, с тем прищуром, который у журналистов означает не недоверие, а привычку проверять. — «Пока» — это не «все».

Артём улыбнулся. Она не улыбнулась в ответ.

Седьмым появился Олег.

Он не приехал — он возник. Как будто вынырнул из-за угла, в наушниках, в худи, с капюшоном на голове, хотя было

холодно и ветер кусал уши. Молодой, тонкий, с тем лицом, которое бывает у людей, которые много думают и мало говорят. Не от глупости — от того, что слова всегда медленнее мыслей, и это раздражает.

— Олег, — сказал он. Фамилию не назвал. Рука — не протянул. Не грубо, просто — не подумал. Или подумал, и решил, что не нужно.

— Артём. Организатор.

— Ага.

Олег снял один наушник, но второй оставил. Артём не сделал замечания — не его пока. Олег стоял, чуть покачиваясь, и смотрел на телефон. Экран светился, но он не читал — просто держал, как чётки.

Фишка номер шесть — в кармане худи. Артём знал, потому что металлический край чуть выступал из-под ткани. Он заметил. Лена, наверное, тоже.

Восьмой пришла Марина.

Тоже пешком, но не от гаражей, а от остановки, с другой стороны. Шла медленно, с прямой спиной и книгой в руке — «Педагогическая поэма», Макаренко. Артём подумал: странно, что кто-то читает Макаренко для удовольствия. Потом подумал: может, она учительница. В письме профессии не указывались, но Артём знал.

— Марина Лебедева. — Голос тихий, ровный, с той чёткой дикцией, которая бывает у людей, привыкших говорить перед аудиторией. — Я получила приглашение. Честно го-

воя, не уверена, зачем пришла. Любопытство, наверное.

— Любопытство — отличный повод, — сказал Артём.

— Да, но я подумала — это ведь не просто игра, да? Формулировка в письме... «ваш профиль идеально подходит». Это что-то серьёзное.

— Это — квест. Сюрприз — часть формата.

Марина кивнула, но не улыбнулась. Она была из тех людей, которые не улыбаются, пока не поймут, что происходит. Осторожные. Артём таких видел много — и не только на квестах. Осторожность — не черта характера, а след. Она бывала после того, как человек однажды ошибся в доверии и запомнил.

Книгу она переложила в сумку. Фишку — номер семь — достала, показала Артёму: «Это для входа?» — «Да.»

Марина убрала фишку обратно, в маленький кармашек сумки, и застегнула молнию. Аккуратно, до конца.

Костя приехал последним.

Старый мотоцикл — «Урал», с коляской, без коляски — Артём не разобрал, темно уже. Звук — громкий, хриплый, как кашель. Мотоцикл въехал на парковку и заглох у края, будто сам устал. Костя слез, снял шлем, отряхнул волосы — короткие, тёмные, торчали во все стороны, как от статического электричества.

Он был большой. Не жирный, а — большой. Широкие плечи, большие руки, тяжёлые ботинки. Лицо — простое, открытое, загорелое не от солнца, а от ветра. Строительное

лицо. Рабочее лицо. Лицо человека, который не боится ни холода, ни тяжести, ни раннего утра.

— Костя. — Голос — низкий, чуть хриплый, как мотоцикл. — Я не опоздал?

— Нет. — Артём посмотрел на часы. Было ровно семь. — Ровно вовремя.

— Я думал, опоздаю. Пробка на Дальней.

— Все на месте, — сказал Артём и обвёл взглядом парковку. — Девять.

Девять человек стояли полукругом перед входом. Фонарь над дверью бросал жёлтый свет — неровный, с дрожью, потому что лампа перегорала с одного края и мигала, как нервный тик. В этом свете — девять лиц, девять пар рук, которые кто-то прятал в карманы, кто-то держал на виду.

Ветер дул. Запах — бетон, старый металл, мокрый асфальт и что-то ещё, заводское, ввевшееся в стены за тридцать лет. Треснувшее стекло в одном из целых окон отражало фонарь, и казалось, что в здании — два огонька, один снаружи, один внутри. Второй — отражение, конечно. Но на секунду казалось, что внутри кто-то стоит и смотрит.

Артём вышел вперёд.

— Спасибо, что пришли. Я знаю, погода не подарок, место — не центр, и вообще — идти на квест в воскресенье вечером, когда можно сидеть дома с чаем и сериалом, — это требует доверия. Или любопытства. Или того и другого.

Несколько человек улыбнулись. Дина — открыто. Олег —

нет. Соня записывала.

— Меня зовут Артём Волков, я организатор. Сейчас мы зайдём внутрь, я проведу инструктаж — правила, формат, что можно и чего нельзя. Коротко, пять минут. Потом — начинаем.

— А что с телефонами? — спросила Дина. — В письме было — изымаются.

— Да. Это часть формата. Никаких телефонов внутри. Вы получите их обратно, когда выйдете.

— А если мне позвонят? — Максим. Тон — не вопросительный, а требовательный.

— Вам перезвонят. — Артём улыбнулся. — Это два часа максимум. Ни один звонок не стоит двух часов.

— Вы не знаете, какой у меня бизнес, — сказал Максим, но без злости. Скорее — с удивлением, будто ему сказали, что солнце встаёт на западе.

— Знаю. Но два часа — это два часа.

Максим хмыкнул, но не стал спорить. Достал телефон, посмотрел на экран, проверил что-то. Убрал в карман.

— Ладно. Пошли.

Все двинулись к двери. Артём шёл первым, ключ — в руке. Ключ не обычный, а карточка — магнитная, чёрная, без надписей. Он приложил её к замку, и дверь щёлкнула. Щелчок был тихий, но в тишине парковки прозвучал как-то слишком громко. Будто не замок, а что-то другое — закрылось.

Или — открылось.

Лена шла последней. Она задержалась у двери, обернулась, посмотрела на парковку. Машины — джип Максима, маленькая «Мазда» Сони, серая «Лада» Артёма. Мотоцикл Кости, который уже остывал и тихо потрескивал. Жёлтое такси уехало. Двор — пустой. Окна завода — тёмные, с одним мигающим отражением фонаря.

Она обернулась и вошла. Дверь закрылась.

Глава 2. Вход

Дверь открылась внутрь, и первым делом всех накрыло запахом.

Не тем, снаружи — бетоном, мокрым металлом, морем. Другим. Свежим. Краска, штукатурка, новый линолеум — тот самый запах, который бывает в новостройках, когда ключи только-только выдали и ещё не успели набить квартиру мебелью и бытом. Запах, который говорит: здесь никто не жил. Здесь всё только начинается.

Артём встал у двери и держал её, пока все проходили. По одному, как в школу. Только Дина прошла и тут же потёрла нос — запах краски был резковат, и она чихнула.

— Будьте здоровы, — сказал Артём.

— Спасибо. — Дина потерла нос ещё раз. — Это вы недавно ремонт сделали?

— В августе. Два месяца назад. Проветривали, но — въедается.

— Ничего. Мне нравится. Как новыми кроссовками пахнет. Только кроссовки — маленькие, а тут — целое здание.

Коридор был длинный, метра четыре в ширину, с потолком, который уходил куда-то вверх — старая заводская высота, три с лишним метра, от которой после ремонта остались только голые бетонные перекрытия. Их не зашили, не опустили — оставили. И это было хорошо. Коридор дышал.

Не давил, не сжимал, а просто — был.

Стены — белые, ровные, крашенные не той дешёвой водоэмульсионкой, которая лезет на пальцы, а чем-то плотным, матовым, таким, что свет ложился на неё мягко, без бликов. Свет — тёплый. Не лампы дневного света, не эти мёртвые больничные трубки, а обычные лампочки в настенных светильниках, тёплого жёлтого оттенка. Таких, какие бывают дома. На кухне. В коридоре у бабушки. Тех, что греют не только светом, но и цветом.

На стенах — фотографии. В рамках, под стеклом, в два ряда. Артёмовы квесты — прошлые, которые он «делал раньше». Артём шёл чуть впереди и указывал:

— Вот это — «Подвал», мой первый проект. Два года назад. Вот — «Хирургическая», медицинский триллер. А это — «Бункер», командный, на пятнадцать человек.

Фотографии были хорошие — профессиональные, с правильным светом, на которых люди в бахилах и фартуках смеются, кричат, ищут ключи под столами. На одном снимке — девушка с фонариком, которая стоит в тёмном проёме и закрывает глаза рукой. На другом — компания, которая обнимается после выхода, все мокрые и счастливые. Живые.

— А это — вы? — Дина ткнула пальцем в фотографию, где Артём стоял в группе, с табличкой «Команда организаторов». Молодой, в чёрной футболке, с той же асимметричной улыбкой.

— Это. Первый квест. Пятнадцать участников, все —

незнакомцы. За два часа стали — командой.

— Стал — командой, — повторила Соня, глядя в ноутбук. Она шла и печатала, не натываясь на стены и не глядя под ноги. — Хорошая формулировка. Вы это заранее придумали?

— Нет. Так вышло.

Соня хмыкнула. Записала.

Коридор заканчивался дверью — не входной, а внутренней, которая вела в основной зал. Но до неё, справа, стоял стол. Обычный, деревянный, как в приёмной у врача. На столе — ящик. Чёрный, металлический, с прорезью сверху и замком — тоже электронным, маленьким, с красным огоньком, который мигал. Рядом — лежал листок бумаги, на котором от руки, аккуратным почерком: «Пожалуйста, положите телефоны в ящик. Они вернутся вам после прохождения».

Артём остановился у стола.

— Правила. Коротко. — Он говорил спокойно, без интонации тренера или аниматора. Просто — человек, который объясняет. — Девять комнат. В каждой — загадка. Решаете — переходите дальше. Не решаете — остаётесь. Время не ограничено, но я бы ориентировался на два часа. Может — меньше, может — больше. Зависит от вас.

— А сколько обычно? — спросила Дина.

— Обычно — час сорок. Но у вас — группа новая, формат новый. Бета-тест. Поэтому — не знаю. И это — честно.

— Честно — это хорошо, — сказала Дина и улыбнулась.

Она нравилась Артёму. Он это не показывал, но он уже всех прочитал — за те пятнадцать минут на парковке и за те три минуты в коридоре. Дина — открытая, тёплая, немножко нервничает, но нервничает хорошо, как человек, который ждёт подарка. Максим — привык командовать, но сейчас — на чужой территории, и это его чуть раздражает. Виктор — усталый, вежливый, послушный. Олег — закрытый, но не враждебный, просто — в себе. Соня — работает, даже здесь. Марина — осторожная, всё проверяет. Костя — спокойный, как камень. Лена — читает его. И он — читает её.

— Телефоны, — сказал Артём и кивнул на ящик. — Пожалуйста.

Повисла пауза. Небольшая, на три секунды, но — была. Тот момент, когда все достают телефоны и держат их в руках, и никто не кладёт первым. Не потому, что боятся, а потому, что телефон — это последняя связь снаружи. С тем миром, где можно позвонить, написать, посмотреть, что там. Положить его в ящик — значит остаться здесь. Только здесь.

Максим достал первым. Положил — тяжело, будто не телефон, а ключи от машины. Следом — Виктор, аккуратно, экраном вверх. Олег — молча, быстро, будто отмахнулся. Соня — с паузой: она сначала закрыла ноутбук, потом — сохранила что-то на телефоне, потом — положила оба предмета. Дина — с улыбкой: «Ладно, мой потеряется без меня». Марина — последней из женщин, и клала медленно, с тем жестом, которым кладут вещь на хранение — нежно, буд-

то напоследок. Костя просто бросил — не глядя, коротко, и телефон проскользил по дну ящика с металлическим шорохом.

Артём положил свой — тоже. Девятый. Ящик был полон — девять телефонов, лежащих друг на друге, как книги на библиотечной полке.

— Вот, — сказал он. — Теперь — все на равных.

Он закрыл ящик. Замок щёлкнул — коротко, сухо, как замок сейфа в кино. Только в кино — тише. Этот щелчок прозвучал так, будто что-то — закончилось. Артём убрал ключ — маленький, металлический, на брелке без надписи — в карман джинсов. Легко, привычно, будто ключи от квартиры.

Лена смотрела.

Она стояла чуть в стороне, у стены, и смотрела не на ящик, а на дверь — ту, через которую вошли. Артём заметил, но не подал виду. Он уже знал, что Лена — из тех, кто смотрит не туда, куда все. Она смотрит — на выход. На то, как выход устроен. На то, можно ли им воспользоваться.

— Артём, — сказала она. Спокойно, без нажима. — Я заметила: на входной двери — электронный замок. Не обычный, не механический. А на ящике с телефонами — тоже.

— Да. Электроника — удобнее.

— Удобнее. А как мы выйдем, если что-то пойдёт не так?

Артём улыбнулся. Та же улыбка — тёплая, асимметричная, которой хочется верить.

— Ничего не пойдёт не так.

— Это не ответ.

— Это — лучший ответ, который у меня есть. Но если хотите конкретику: дверь открывается изнутри. Кнопка — у выхода, в последней комнате.

— А если нам нужно выйти раньше?

— Раньше — нельзя. Формат — линейный. Вы идёте от первой комнаты к девятой. Выход — в девятой.

Лена не отвела взгляд. Она смотрела на Артёма так, как смотрят на пациента, который говорит «всё нормально», а руки дрожат. Не обвинительно, не подозрительно — внимательно. Профессионально.

— А если кому-то станет плохо? — спросил Виктор. Он стоял у стены, руки в карманах плаща, и голос у него был — ровный, врачебный, привыкший к тому, что «станет плохо» — это не абстракция, а протокол.

— Вы врач, — сказал Артём. — Вам виднее. Но аптечка — в каждой комнате. Стандартная, плюс успокоительное.

— А сигнальная кнопка? — Виктор. — Экстренный вызов? На случай — травма, паника, что угодно.

— Экстренный выход — через последнюю комнату. Если вы пройдёте все девять — вы выйдете.

— А если не пройдём? — Марина. Тихо, но — чётко.

— Вы пройдёте. — Артём сказал это так, будто не сомневался. И не в формате — в них. В людях. В том, что они — пройдут. И Артём это сказал — и все поверили. Или — по-

что все.

Лена не поверила. Но промолчала. Она умела молчать — не как Олег, который молчал, потому что не хотел говорить, а как человек, который молчит, потому что ещё не решил, что сказать.

— Аптечка — это хорошо, — сказал Виктор. — Но я бы хотел знать: есть ли здесь кто-то — кроме вас? Охрана? Медик?

— Я. — Артём улыбнулся. — Я — и организатор, и медик, и охрана. И ваш проводник.

— Один на девятерых?

— Хватит. Я знаю это здание как свои пять пальцев. И — не волнуйтесь: это квест, а не военные учения. Люди приходят, решают загадки, смеются, выходят. Уже двести человек прошло — ни одного инцидента.

— Двести, — повторила Соня. — А мы — двести первые?

— Вы — бета-тестеры. Вы — первые, кто пройдёт «Комнату без окон». Все остальные — это были другие квесты, другие комнаты. Эта — новая.

— Новая — значит, непроверенная, — сказала Марина.

— Новая — значит, первая, — ответил Артём. — И вы — первые, кто увидит.

Повисла пауза. Не тяжёлая — просто — пауза. Тот момент, когда все стоят и думают: остаться или идти. И каждый думает по-своему.

Дина подумала: «Ну и ладно. Пошли. Что мне будет?»

Максим подумал: «Через два часа выйду. Если не выйду — жена позвонит. Хотя — телефоны в ящике. Ну и ладно. Два часа. Я и больше ждал. На таможне.»

Олег ничего не подумал. Он просто стоял и ждал, когда все решат, потому что ему было всё равно. Ему было всё равно — почти всегда. Почти.

Соня записала: «Бета-тест. Первый прогон. Организатор — единственный сотрудник на объекте. Телефоны изъяты. Выход — через последнюю комнату.»

Марина подумала: «Зачем я пришла? Зачем? Дома — чай, книга, кот. А здесь — холодный завод и человек, который улыбается слишком спокойно.»

Костя ничего не думал. Он стоял, широко расставив ноги, и смотрел на стену. На стене — трещина, тонкая, как волос, идущая от потолка до середины. Он думал: «Перекрытие — бетонное, трещина — усадочная, не опасная. Несущая стена — целая. Здание — крепкое.»

— Ну что, — сказал Артём. — Пойдёмте?

И все пошли.

Дина — первой. Не потому, что храбрая, а потому что — нетерпеливая. Она всегда была нетерпеливой: в школе — первой вставала, когда звенел звонок, на кастингах — первой заходила в дверь, в очереди в магазине — первой замечала, что касса свободна. Жизнь — короткая, зачем ждать?

Остальные — за ней. По одному, по двое, шаркая ногами по новому линолеуму, который ещё не примялся и пах —

свежо, резиново, как новые шины.

Коридор шёл прямо, без поворотов, и в конце его — вторая дверь. Тяжёлая, металлическая, с электронным замком — таким же, как на входной. Красный огонёк мигал, и в тёмном коридоре — это выглядело как единственное живое существо. Маленький, мигающий, красный глаз.

Артём подошёл к двери, приложил карточку. Щелчок. Дверь открылась — тяжело, с таким звуком, будто за ней — что-то большое, что-то, что держали закрытым, и теперь оно подаётся, неохотно, по миллиметру.

За дверью — свет. Тёплый, мягкий, из настенных ламп. Первая комната.

Лена шла последней. Она обернулась — на коридор, на ящик с телефонами, на входную дверь с мигающим замком. Дверь за ними закрылась — не хлопком, а тихо, плавно, с гидравликой, как двери в хороших магазинах. Закрылась — и замок мигнул: красный, красный, красный.

Она обернулась и пошла за остальными.

За ней — закрылась и вторая дверь. Тоже тихо. Тоже с гидравликой.

Гул вентиляции — ровный, негромкий, постоянный — был единственным звуком в коридоре. Ровный, как дыхание. Как будто здание — дышало.

Или — ждало.

Воздух в коридоре — тёплый, нагретый вентиляцией, с привкусом краски и бетона. И ещё — что-то. Едва улови-

мое, почти неуловимое, на самом краю обоняния. Не запах — скорее — ощущение. Как в комнате, где недавно кто-то был, но уже ушёл, и остался только — след. Тень запаха. Типографская краска, которую Дина чувствовала в письме, когда открывала конверт на своей кухне.

Или — показалось. Вентиляция гонит воздух по трубам, в которых — всё что угодно. Краска, бетон, пыль, воспоминания.

Красный огонёк мигал. Мигал. Мигал.

Потом — перестал. Замок загорелся ровным, немигающим красным.

Заперто.

Глава 3. Первая комната

Комната была — уютная.

Это первое, что все подумали. Не «страшно», не «мрачно», не «что это такое» — а «уютно». Как будто кто-то постарался, чтобы ты вошёл и не захотел уходить.

Небольшая, метров двадцать. Стены — серые, но не заводским серым, а тёплым, как асфальт после дождя, когда лужи уже высохли, а цвет остался. На стенах — ничего. Ни картин, ни плакатов, ни фотографий. Голые, но не голые — просто — чистые. Будто их оставили такими нарочно, чтобы потом — потом что-то появится.

Слева — два дивана. Не новые, но — ухоженные. Обивка — тёмно-зелёная, велюровая, с тем ворсом, который меняет оттенок, если провести рукой. Дина провела. Ворс лёг — и поднялся обратно, медленно, как трава, на которую наступили.

— Уютно, — сказала она. — Прямо как у бабушки на даче. Только у бабушки — плед с фланелевыми котами, а тут — дизайн.

— Дизайн — это плед без котов, — сказал Артём. — Тот же принцип.

Дина засмеялась. Садилась на диван — осторожно, как садятся на чужую мебель, не зная, выдержит ли. Выдержал. Мягкий, но не проваливающийся. Такой, на котором можно

сидеть долго, и спина не затечёт.

Остальные входили медленно. Комната была небольшой, и девять человек — это много. Не толпа, но — тесно. Не физически, а — по воздуху. Воздуха хватало, вентиляция работала, но было ощущение, что каждый вдох — чуточку короче, чем снаружи.

Посередине — стол. Невысокий, деревянный, тёмный — не дуб, а что-то дешевле, но покрашенное под дуб. На столе — конверт. Такой же, как те, в которых приходили письма. Белый, плотный, без надписи. И рядом — ничего. Пустой стол. Конверт — и пустота.

Справа от двери — табло. Электронное, старого типа, с красными цифрами на чёрном фоне. Как на вокзале, только — одно слово. Цифра: 9.

— Девять, — прочитал Олег. Первое, что он сказал за всё время. Голос — тихий, почти неслышный, но в этой комнате, где все молчали и смотрели на конверт, — прозвучал.

— Девять, — повторил Артём. — Это — счётчик. Комнат — девять. Человек — девять. Начинаем с девяти.

— И что, — Максим стоял у стены, руки скрещены на груди, — с каждой комнатой — минус один?

Он сказал это как шутку. Никто не засмеялся. Максим кашлянул и перестал шутить.

— Нет, — сказал Артём. — Счётчик — это количество комнат. Человек — не убывает. Все девять — идут до конца. Вместе.

— Надеюсь, — сказала Лена. Тихо. Себе под нос. Но Артём услышал.

Артём подошёл к столу, взял конверт. Повертел в руках — так же, как Дина крутила фишку на кухне, только — без улыбки. Аккуратно, будто знал, что внутри, но не торопился. Потом — вскрыл. Не ножом, а пальцем, по кромке, ровно. Бумага внутри — та же, что и в письмах. Плотная, типографская, с запахом, который все уже узнали: краска, тёплая, чуть горьковатая.

— Добро пожаловать, — начал Артём. Читал вслух, ровно, без выражения, как читают правила — не чтобы удивить, а чтобы — понятно. — «Перед вами — девять комнат. Каждая — это история одного из вас. Чтобы пройти дальше, нужно решить загадку. Но помните: каждая комната помнит то, что вы забыли».

Он замолчал. Положил лист на стол. Все смотрели на лист. Лист лежал на тёмном дереве, белый, с ровными строками, и казался — неопасным. Обычная инструкция. Обычный текст. Но одна строчка — выделялась.

Каждая — это история одного из вас.

Соня первая.

— Что значит «история одного из нас»? — Она не спрашивала — требовала. Голос — ровный, профессиональный, но с тем нажимом, который бывает, когда журналист понимает: здесь — не то, что ему сказали. Здесь — что-то другое. — Это что — персональные данные? Вы собирали инфор-

мацию о нас?

— Это часть концепции, — Артём пожал плечами. Естественно, легко, будто его спрашивали про цвет обоев. — Персонализированный квест. Вы заполняли анкеты при регистрации, помните? Там были вопросы — о ваших страхах, о воспоминаниях, о том, что вас тревожит. Мы — на основе этого — создавали комнаты.

— Анкеты? — Дина подняла брови. — Я не заполняла никакую анкету.

— При регистрации, — повторил Артём. — Когда вы получили письмо и подтвердили участие — на сайте. Ссылка была в письме.

— В письме не было ссылки, — сказала Марина. Тихо, но — чётко. — Я перечитала. Дважды. В письме — адрес, время и фишка. Никакой ссылки. Никакого сайта.

— Может, в другом письме? — Артём чуть нахмурился. Будто сам — не понимал. — Регистрация обычно — через сайт. Заполнение анкеты — обязательное условие. Без неё — мы не подбираем комнаты.

— Я не заполнял, — сказал Олег. Коротко. Без объяснений.

— Я тоже, — Виктор. — Я подумал — просто прийти и пришёл. Зачем анкета для квеста?

— И я, — Костя. — У меня и интернета на телефоне — на тот момент не было. Тариф кончился. Я письмо получил — и пришёл. Как написано.

Артём стоял с листом в руке и смотрел на всех. Лицо — ровное, спокойное, но — что-то в нём шевельнулось. Не тревога — скорее, замешательство. Настоящее или сыгранное — никто не понял.

— Странно, — сказал он. — Анкета — это базовый этап. Без неё — комната не подбирается. Если вы не заполняли... — Он помолчал. — Тогда — я не знаю, как система вас отобрала.

— Может, система умнее, чем вы думаете, — сказала Лена. Она стояла у двери, и голос у неё был — профессиональный, клинический, с тем спокойствием, которое бывает, когда врач видит симптом, но ещё не ставит диагноз. — А может — кто-то заполнил за вас.

— Кто? — Артём.

— Это вопрос к вам. Вы — организатор.

Повисла тишина. Не та, которая бывает, когда нечего сказать, а та, которая бывает, когда — есть что сказать, но — не сейчас. Не здесь. Не при всех.

— Ладно, — сказал Артём. — Значит, анкет — не было. Значит, комнаты — не персонализированы. Или — персонализированы, но — не нами. — Он помолчал. — Это не страшно. Просто — сюрприз. Формат — новый.

— Сюрприз — это когда торт выезжает, — сказала Соня. — А когда о тебе знают то, чего ты не рассказывал, — это не сюрприз. Это — слежка.

— «Слежка» — сильно сказано, — Артём. — Мы — не

следим. Мы — создаём. И если комната знает о вас что-то, чего вы не рассказывали, — значит, это что-то — можно узнать. Из открытых источников. Соцсети, интервью, публичные страницы. Все вы — публичные люди, в той или иной степени.

— Я — не публичный, — сказал Олег.

— Вы — программист. Ваш профиль на сайте вакансий — публичный. Ваш профиль в соцсети — публичный, хотя вы ничего не публикуете. Это — уже информация.

Олег замолчал. Не потому, что согласился, а потому, что — нечего было сказать. Артём был прав. Профиль — публичный. Но «публичный профиль» и «история одного из вас» — это разные вещи. Одно дело — профессия и город. Другое — «то, что вы забыли».

— Хорошо, — сказал Артём. — Давайте не будем искать проблему там, где её пока нет. Текст — это текст. Концепция — это концепция. Давайте — посмотрим, что дальше.

Он положил лист на стол. Все — переглянулись. Дина — на диване, Марина — стоя у стены, Костя — у двери. Никто не хотел быть первым, кто скажет: «Что-то здесь не так». Потому что — все уже это думали. Но — пока — это была просто мысль. А мысль — не факт.

И в этот момент — проектор включился.

Никто не заметил, где он. Он был — в потолке, в небольшом углублении, прикрытом решёткой. Маленький, короткофокусный, направленный на стену — на ту, что была на-

против двери, пустую и серую. И он включился — сам. Без щелчка, без команды. Просто — свет. Белый. Яркий. И на стене — текст.

Белые буквы на серой стене. Крупные, чёткие, с ровными засечками. Как в книге, только — на стене. И — строка за строкой, медленно, будто кто-то пишет — рукой, сейчас, здесь, в этой комнате.

Девять вошли в комнату без окон, Девять душ, девять секретов. Первая падёт во тьме, не видя руки.

Три строки. И — всё. Текст не продолжался. Проектор — светил, но больше ничего не выводил. Только эти три строки. Белые на сером, как надпись на надгробии, только — без камня.

Все читали. Медленно, по одному, каждый — в своём темпе. Дина — губами, чуть шевеля ими, как читают стихи в школе. Соня — глазами, быстро, и тут же — потянулась к ноутбуку, но вспомнила, что ноутбука нет. Только блокнот. Она достала блокнот и ручку — из сумки, которую не сдала, потому что в правилах было «телефоны» и «ноутбуки», а не «блокноты». Записала. Быстро, без сокращений.

Виктор прочитал и снял очки. Протёр. Надел. Прочитал снова. Его губы не двигались, но глаза — бегали по строкам, как по протоколу, вычитывая.

Марина стояла у стены и смотрела. Не моргая. Книга Макаренко — в сумке. Руки — опущены. Она читала и — не двигалась, будто текст держал её, как верёвка.

Костя — прочитал быстро, одним взглядом. Почти — небрежно. Но его рука, та, в которой была фишка, — сжалась. Чуть. На полсантиметра. Он и сам не заметил.

Олег — смотрел в пол. Он прочитал, но не смотрел на стену. Он смотрел вниз, на свои ботинки, на линолеум, на шов между плитками. Он не хотел — смотреть.

Максим — прочитал и нахмурился. Его лицо — большое, красное от холода, — покраснело сильнее.

— Это что, шутка? — спросил он. Голос — громкий, как в баре, но в этой комнате, с этими стенами, он прозвучал — не к месту. Слишком громко. Слишком — живо для текста, который был на стене.

— Это антураж, — сказал Артём. Спокойно. Будто текст на стене — это обои. Декорация. Часть оформления, не более.

— Не смешной, — Максим.

— Триллеры редко бывают смешными.

— Триллеры — это кино. А тут — живые люди. И написано — «падёт во тьме». Это — угроза?

— Это — стих. Считалочка. Формат — такой. Мы — создаём атмосферу. Вы — читаете, входите в настроение, решаете загадку. Всё.

— Считалочка, — повторила Соня. Она закончила записывать и смотрела на стену. — Считалочки — про то, кто водит. «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять». А тут — «падёт во тьме». Это не считалочка. Это — пред-

сказание.

— Это — текст, — сказал Артём. — Не больше.

— А кто его написал? — Лена. Она стояла у двери и не двигалась. Та же поза, что и в коридоре: руки в карманах, спина прямая, взгляд — на Артёма. — Если анкет не было, если комнаты — «не персонализированы», то — кто написал этот текст? Кто знал, что нас — девять? Кто знал, что мы — «с секретами»?

— Я знал, что вас — девять. Я — приглашал.

— А «секреты»?

— У каждого — есть секреты. Это — не обвинение. Это — факт.

— Факт — да. Но — от факта до «каждая комната помнит то, что вы забыли» — дистанция. И мне — не нравится эта дистанция.

Артём посмотрел на Лену. Долго. Без улыбки. Впервые за весь вечер — без улыбки. И лицо у него было — не злое, не испуганное, а — внимательное. Как у человека, который слышит то, что ему говорят, и думает. Думает — серьёзно.

— Лена, — сказал он. — Я понимаю. Текст — сильный. Язык — жёсткий. Но я — организатор, а не автор. Комнату — делала команда. Тексты — писали копирайтеры. Я — только запускаю. И — провожу. Если вам некомфортно — я могу остановить квест. Прямо сейчас. Но — выход — через последнюю комнату. Другого выхода — нет. Это — технически.

— Технически, — повторила Лена. — Хорошее слово. Технически — нет выхода. По-человечески — вы можете открыть дверь.

— Не могу. Замок — электронный. Код — меняется после закрытия. Откроется — только после прохождения всех комнат.

— Это — небезопасно, — сказал Виктор. — Не по-медицински. В любом групповом мероприятии — должен быть аварийный выход.

— Есть. Последняя комната.

— Это не аварийный выход. Это — нормальный. Аварийный — когда сразу.

Артём помолчал. Потом — достал из кармана ключ. Тот самый, маленький, металлический, на брелке. Показал.

— У меня — ключ от входной двери. Я могу — открыть. Но тогда — квест закончен. Для всех. Без возврата. Бета-тест — провален. Вы — уедете домой. И — больше ничего.

Он убрал ключ в карман. Спокойно. Будто — ничего не произошло.

— Я — не хочу останавливать, — сказала Дина. Все повернулись. Она сидела на диване, поджав ноги, и фишка — номер четыре — лежала на колене. — Мне — интересно. Да, текст — жутковатый. Да, «падёт во тьме» — это не «раз, два, три, четыре, пять». Но — это квест. Мы — пришли сюда, чтобы — испугаться. Немного. Правильно? Мы — пришли — за этим.

— За этим — да, — сказала Соня. — Но не за этим.

— А за чем?

— Не знаю. Но — не за тем, чтобы нам — угрожали.

— Это не угроза, — сказал Артём. — Это — атмосфера.

Каждый квест — начинается с завязки. Это — завязка.

— Завязка, — повторила Соня. Записала в блокнот. Подчеркнула.

В комнате — тишина. Но не та, которая была вначале, когда все вошли и смотрели на диваны. Другая. Тяжелее. Будто воздух — стал плотнее, будто стены — чуть сдвинулись, будто потолок — чуть опустился. Не физически — конечно, нет. Но — ощущение было. Как в лифте, когда двери закрываются и кабина — ещё не поехала, но ты уже — не снаружи.

Дина сжала фишку. Четвёрка — в её ладони, тяжёлая, тёплая от тела. Гравированные линии — на подушечке пальца, как отпечаток. Она вертела фишку, и металл — блестел в тёплом свете настенных ламп. Маленький, круглый, с кантиком по краю. Как монета. Как жетон. Как — пропуск.

Костя — тоже держал фишку. В правой руке, в кулаке, крепко, будто — оружие. Не смотрел на неё — просто — держал. Его фишка — номер восемь. Он не знал, почему — восемь. Может, потому что — последний. Может, потому что — случайно. Он не думал об этом. Он думал — о другом. О тексте на стене.

Первая падёт во тьме, не видя руки.

«Первая, — думал Костя. — Не — первый. Первая. Жен-

ский род. Значит — женщина. Значит — одна из четверых. Дина, Соня, Марина, Лена. Или — комната. Комната — тоже — женского рода. Комната падёт?»

Он не додумал. Не любил — додумывать. Строитель — не додумывает. Строитель — измеряет, считает, ставит. Если — не сходится — переделывает. Если — сходится — значит, правильно. А «падёт во тьме» — не сходится ни с чем. Это — слова. А слова — не бетон. Их нельзя — потрогать.

Олег — не смотрел на стену. Он сидел на диване, рядом с Диной, и смотрел в пол. Его фишка — номер шесть — в кармане худи. Он не доставал. Он не хотел — доставать. Он не знал — почему. Просто — не хотел.

Марина стояла у стены. Она перечитывала текст. Губы — шевелились. Она читала — как учительница, которая проверяет, правильно ли — написано. «Падёт» — с «ё». «Не видя» — без запятой. «Девять» — через «е». Она всегда это замечала. Ошибки. Опечатки. Неточности. Она не могла — не замечать. Тридцать лет — в школе, где слово — главное, и где ошибка — это не «опечатка», а — «небрежность». «Небрежность — это неуважение к слову», — говорила она своим ученикам. Каждый раз. Каждый год. Тридцать лет.

Здесь — ошибок не было. Текст — был чистый. Грамотный. Это — пугало больше, чем смысл. Потому что — смысл можно — не понимать. А грамотность — понимают все.

— Ну что, — сказал Артём. — Идём дальше?

Его голос — тёплый, спокойный, привычный. Голос чело-

века, который знает, что делает. Который — не боится. Который — улыбается.

И все — посмотрели на него. Девять пар глаз. Девять человек, которые — не знали, что их ждёт, но — стояли. И сидели. И держали фишки в руках, в карманах, на коленях. Девять фишек. Девять номеров. Девять — секретов.

— Идём, — сказал Максим. Первым. Решительно, как — всё, что он делал. — Время — деньги. Даже в квесте.

— Идём, — повторила Дина. Встала с дивана. Фишку — в карман.

— Идём, — сказал Костя. Тихо. Просто — чтобы — не молчать.

Артём подошёл к стене — не к той, на которой текст, а к соседней. На ней — ничего не было. Чистая, серая стена. Он нажал — куда-то, в угол, на выключатель, которого никто не видел. Стена — сдвинулась. Не целиком, а — часть: панель, метр на два, которая открылась внутрь, как дверь, замаскированная под стену. За панелью — коридор. Короткий, метра три, и в конце — ещё одна дверь. Тяжёлая, тёмная, без ручки.

— Вторая комната, — сказал Артём. — Первая загадка. За этой дверью — то, что вы должны решить. Внутри — темно. Это — часть задачи.

— Насколько — темно? — спросила Дина.

— Полностью.

— Совсем-совсем?

— Совсем-совсем. Но вы — справитесь. — Он улыбнулся. Та же улыбка. Тёплая, асимметричная, которой — хочется верить.

Проектор за ними — всё ещё светил. Текст на стене — всё ещё горел. Белые буквы на сером бетоне. Три строки, которые — все знали наизусть. Потому что — короткие. Потому что — жуткие. Потому что — запомнились.

Девять вошли в комнату без окон, Девять душ, девять секретов. Первая падёт во тьме, не видя руки.

Дина обернулась — на текст. В дверном проёме, уже наполовину в коридоре, она обернулась и посмотрела. На три строки. На белые буквы. На стену, которая — помнила.

Первая падёт во тьме.

— Дина! — окликнул Максим. — Ты идёшь или нет?

— Иду, — сказала она. И пошла. Не оглядываясь.

За ней — остальные. По одному, по двое, шаркая по линолеуму, который скрипел под ботинками. Тёмный коридор. Тяжёлая дверь. И — за ней — темнота.

Артём шёл последним. Он остановился у проектора, посмотрел на текст. Три строки. Белые на сером. Он — знал их наизусть. Не потому, что прочитал. Потому что — написал. Не сам — рука была другая, но — слова были его. Его — и ещё одного. Того, кто — не пришёл. Того, кто — не мог прийти.

Он выключил свет. Проектор погас. Текст исчез. Стена — стала стеной. Серой, пустой, обычной.

Но текст — остался. Не на стене. В головах. В глазах. В руках, которые сжимали фишки — крепче, чем раньше.

Артём вошёл в коридор. Дверь за ним закрылась.

Тихо. Плавно. С гидравликой.

И — темнота.

Глава 4. Тёмная комната

Дверь открылась, и из неё пахнуло.

Не холодом, не запахом, а — отсутствием. За дверью не было ничего: ни света, ни звука, ни запаха. Просто — пуста. Чёрная, густая, как чернила.

Артём стоял у проёма и говорил, и его голос звучал обычно, но в темноте, которая начиналась прямо за порогом, слова теряли объём. Будто темнота их глотала.

— Это сенсорная комната. Задача — найти выключатель. Он где-то на стене. Подсказка — звук. Каждый из вас услышит свой звук: кто-то шаги, кто-то музыку, кто-то голос. Идите на звук. Кто первый найдёт выключатель, тот открывает следующую дверь.

— И всё? — Дина стояла первой, прямо за Артёмом. — Просто — найти выключатель в темноте?

— Просто. Но не легко.

— А свет? Хотя бы — слабый, — попросил Виктор. — Полоска, индикатор, что угодно.

— Света не будет. Это — сенсорная депривация. Задача — ориентироваться без зрения. Это — безопасно. Стены — мягкие, пол — ровный. Ничего — нет.

— «Ничего нет», — повторила Лена. Не вопросительно. Просто — повторила.

— Ничего, — подтвердил Артём. — Заходите. Медленно.

Руки — перед собой.

Первой вошла Дина. Конечно, первой. Она всегда входила первой — в кастинги, в аудитории, в вагоны метро. Жизнь короткая, зачем ждать.

Один шаг. Второй. Третий. Темнота — обнимала. Не холодная, не тёплая, не враждебная. Просто — везде. Дина вытянула руки и пошла вперёд, медленно, как слепая. Пол под ногами — ровный, бетонный. Обувь — кроссовки, мягкие, тихие. Она слышала свои шаги, и это было — нормально. Пока.

За ней — Костя. Его ботинки стучали громче, тяжело, как в коридоре школы на перемене. Потом — Соня, потом — Марина. Потом — остальные. Девять человек в темноте, каждый — на ощупь, каждый — сам.

Дверь закрылась. Тихо, плавно, с гидравликой. И темнота стала — абсолютной.

Не той, какая бывает ночью, когда глаза привыкают и различаешь очертания. Не той, какая в кино, где всегда — чуть-чуть света, чтобы зритель видел. Настоящей. Полной. Той, в которой руки перед лицом — не видны. Той, в которой ты — не видишь себя.

И — звук.

Низкий, ровный гул. Не громкий, но — везде. Сверху, снизу, со всех сторон. Не вибрация, не шум, а — именно гул, как будто где-то работает огромный механизм, и комната — внутри него. Гул, который не начинается и не кончается, а

просто — есть. Как пульс.

— Ох, — сказала Дина. — Вот это — да.

— Что? — Максим. Голос — далеко, справа.

— Темно. Совсем.

— А ты что — думала, свет будет?

— Нет, но — не так же. Глаза — ничего. Вообще.

— Это — депривация, — сказал Виктор. Его голос — ближе, слева. — Сенсорная депривация. Глаза не привыкнут. Света — нет. Совсем.

— И что — делать? — Марина. Голос — ровный, но чуть выше, чем обычно. Контроль, который держится, но — на пределе.

— Идти. На звук. Как сказал организатор.

— А где он? Организатор?

— Я — здесь, — Артём. Голос — где-то у двери, позади.

— Стою у стены. Не двигаюсь. Если нужен — зовите.

— «Зовите», — повторила Соня. — В темноте. Где никто никого — не видит.

— Свет может быть, — сказал Олег. Вдруг. Тихо, но — все услышали, потому что в темноте слух обострился, и каждое слово звучало — объёмнее, чем в свете.

— Что? — Дина.

— У меня — часы. С фонариком. Маленький, но — есть.

— Ты чего — молчал?! — Максим. — Свети!

— Я только.

— Свети! Достань и свети!

Олег щёлкнул. Луч — тонкий, голубоватый, слабый — прорезал темноту, как нитка. Осветил — ничего. Пол, кусок стены, тень от чьей-то руки. И — погас.

— Что — выключил?! — Максим.

— Батарея. Она — на нуле. Один раз — и всё. Я — не знал, что — один.

— Отлично, — сказал Максим. — Просто — отлично.

Тишина. Не настоящая, потому что гул — продолжался. Но — тишина, в которой люди не говорили. Каждый — думал. Каждый — прислушивался.

Дина стояла и слушала. Гул — был везде, но — он менялся. Или ей казалось. Справа — чуть громче, слева — чуть тише. Она повернула голову и — услышала. Не гул. Другое. Что-то — тоньше, выше. Как — музыка? Нет. Как — голос. Далёкий, почти неслышный. Женский голос, который говорил что-то, но — слов не разобрать.

— Кто-нибудь — слышит? — спросила она. — Голос?

— Какой голос? — Костя.

— Женский. Справа.

— Я — слышу гул, — сказал Виктор. — И — стук. Как — сердцебиение.

— Это — твой, — сказала Лена. — Твоё сердце. В темноте — все слышат своё сердце.

— Нет, — Виктор. — Это — снаружи. Стук — снаружи.

— Я — слышу музыку, — сказала Марина. Тихо. Будто — стеснялась. — Старую. Как — из радио. Довоенного.

— Я — ничего не слышу, — Максим. — Кроме этого гула.

— Иди — на звук, — сказал Артём. — Каждый — на свой.

Выключатель — там, где звук — громче.

Дина двинулась вправо. Медленно, руки перед собой, шаг — короткий, как на эскалаторе. Голос — становился отчётливее. Не громче, а — яснее. Женский голос. Молодой. Она не разбирала слов, но — интонацию чувствовала. Грусть. Тоску. Что-то — знакомое.

Она шла, и под ногой — что-то хрустнуло. Не громко. Просто — хрустнуло, как будто наступила на песчинку. Она остановилась.

— Что? — спросил Костя. Он был — близко. Совсем рядом, она чувствовала его тепло.

— Ничего. Хрустнуло.

— Это — бумага. Под ногой.

— Бумага?

— Да. Лист. Я — чувствую. Под ботинком.

Костя присел. В темноте — на ощупь. Руки — по полу, пока не нашли. Лист. Обычный лист бумаги, сложенный вдвое. Он лежал посреди комнаты, будто его специально — положили. Посередине. Там, где — пройдут.

— Что там? — спросила Дина.

— Лист. Сложенный. Сейчас —

Костя развернул. В темноте — не видно. Он поднёс к лицу, но — темнота. Абсолютная.

— Не прочесть, — сказал он. — Темно.

— Дай — мне, — сказала Дина. — У меня — зажигалка. Для свечей. Тайфуны, отключения — у нас это часто.

Щелчок. Маленький огонёк. Оранжевый, дрожащий, тёплый. Лист — в руке Кости, Дина держала зажигалку над ним, и огонёк освещал их лица. Костя — близко, его большие руки, держащие лист. И — текст.

Дина прочитала.

«Она рассказала твои секреты, чтобы получить роль. Ты предала её ради сцены. Помнишь?»

Огонёк дрогнул. Дина — не двигалась. Лицо — белое, в оранжевом свете, как маска. Глаза — открыты, смотрят на текст, и в них — что-то. Не страх. Не удивление. Узнавание.

— Дин? — Костя. — Ты — что?

Она молчала. Зажигалка — дрожала в её руке, и пламя — дрожало, и тени — дрожали, и в этом дрожащем свете Дина была — белая, как бумага, которую она держала.

— Дина! — громче. Костя забрал у неё зажигалку. Лист — остался в её руке.

— Это... — Дина начала и остановилась. Губы — шевелились, но слов — не было. Она смотрела на лист, и в её глазах — было то, что бывает, когда человек вспоминает то, что — не хочет помнить. Не то что забыл. А — то, что — спрятал. Глубоко. Далеко. За магнитиками на холодильнике, за жёлтыми шторами, за пирожными на подоконнике.

— Что там написано? — Соня. Голос — резкий, требовательный, из темноты.

— Ничего, — сказала Дина. Быстро. Слишком быстро. — Это — подсказка. Часть квеста.

— Что — написано? — Соня не отступала.

— «Она рассказала твои секреты». — Дина прочитала вслух. Голос — ровный, но — на грани. Как струна, которую натянули ещё на полтона. — «Ты предала её ради сцены. Помнишь?»

Тишина. Даже гул — будто — стал тише.

— Это — про кого? — спросил Максим. Голос — осторожный, что было странно для Максима, потому что Максим не знал слова «осторожный».

— Не знаю, — сказала Дина. — Это — квест. Это — загадка. Это — не про меня.

— Дин, — Костя. Тихо. — Ты — побелела.

— Это — темнота. В темноте — все бледные.

— Нет. Ты — побелела. Я — вижу.

— Ты — ничего не видишь. Темно.

— Я — вижу тебя. Огонёк — здесь.

Дина вырвала лист из его рук. Смяла. Сунула в карман. Быстро, нервно, как прячут — улику.

— Забудь, — сказала она. — Это — часть квеста. Пошли — искать выключатель.

И тут — всё.

Гул — стал громче. Не резко, а — плавно, как кто-то поворачивал ручку громкости. Медленно, но — неумолимо. Гул — заполнял комнату, стенки которой — сужались.

— Что — происходит? — Марина. Голос — выше. Контроль — треснул.

— Громче, — сказал Виктор. — Громче, чем было. Это — часть...

— Это — не часть! — Соня. — Это — слишком! Звук — слишком громкий!

— Спокойно, — Артём. Голос — где-то у двери. — Это — аудиосистема. Уровень — повышается. Это — часть формата. Найдите выключатель — звук остановится.

— Найдите?! В темноте?! — Максим. — Мы — слепые, мы — ничего не видим!

— Идите — на звук. Выключатель — на стене. Справа.

Все двинулись. Разом. Девять человек, которые секунду назад стояли на месте, кинулись — в темноту, каждый — в свою сторону, каждый — к стене. Бег в темноте — это не бег, это — хаос. Руки — машут, ноги — путаются, тела — сталкиваются.

— Осторожно! — крикнул Виктор. Кто-то — толкнул его. Он упал, не сильно, но — упал. Ударился коленом о пол. Вскрикнул.

— Где — стена?! — Марина.

— Я — нашёл! — Костя. — Стена! Здесь! Я — трогаю стену!

— Идите — направо! — Артём. — Выключатель — справа!

— Направо — от чего?! — Максим. — Я — не знаю, где

— направо!

— Направо — от двери!

— А дверь — где?!

Хаос. Гул — громче. Темнота — гуще. Люди — натыкаются, толкаются, дышат тяжело.

— Дина! — крикнул Костя. — Дина, где ты?!

Дина не отвечала. Дина — молчала.

Дина стояла посреди комнаты. Не у стены, не у двери. Посередине. С бумагой в кармане и с мыслью в голове, которая — глуше, чем гул.

«Она рассказала твои секреты, чтобы получить роль. Ты предала её ради сцены. Помнишь?»

Она — помнила. Конечно, помнила. Аня. Аня Волкова. Три года назад. Кастинг на роль в театре. Маленький театр, маленькая роль, но — настоящая. Не реклама, не задний план. Роль. И Дина — рассказала. На кастинге, режиссёру, между делом: «Аня — хорошая, но — нестабильная. У неё — проблемы. Она — не справится с нагрузкой». Сказала — тихо, мягко, будто — заботясь. А режиссёр — записал. Аня — не прошла. Дина — прошла. Роль — получила. Маленькая роль в маленьком театре, которая — ничего не изменила. Кроме одного: Аня — не получила. Аня — не прошла. Аня — не справилась. Не с ролью. С — жизнью.

Дина стояла и помнила. В темноте, в гуле, в хаосе чужих голосов и чужих рук. Она — помнила.

И не видела.

И не слышала.

Шорох — за спиной. Близко. Совсем близко. Как — дыхание. Как — кто-то стоит — вплотную. Дина повернулась, но — темнота. Ничего. Руки — вытянуты, но — пальцы — пустые.

— Кто — здесь? — прошептала она.

Тишина. Только — гул. И — шорох. Опять. Чуть — левее. Чуть — ближе.

— Кто — здесь?! — громче. Голос — сорвался. Хрипло, резко, как — струна, которая лопнула.

И тогда — хруст.

Громкий. Резкий. Сухой. Как — ветка. Как — кость. Как — что-то, что — ломается.

И — тишина.

Гул — остановился. Резко, будто — выдернули штепсель. И — тишина. Настоящая. Абсолютная. В которой — ничего. Ни звука. Ни голоса. Ни дыхания.

Секунда. Две. Три.

— Дина? — Костя. Первый. Он — позвал. Тихо, почти — шёпотом, но в тишине — это прозвучало как крик.

— Дина?! — громче. Тишина.

— ДИНА!

— Что — произошло? — Соня. — Что — было? Этот — звук?

— Где — Артём?! — Максим. — Артём, включите свет!

— Я — здесь. — Артём. Голос — ровный, но — быстрый.

— Ищу — выключатель. Я — у стены.

— Ищете?! — Максим. — Вы — организатор! Вы — знаете, где — выключатель!

— Я — знаю, но — в темноте... Секунду.

Тишина. Секунды. Каждая — как минута. Каждая — как год.

Щелчок.

Свет.

Резкий, белый, холодный. Не тёплые лампы из коридора, не жёлтый уют первой комнаты. Другой. Люминесцентный, больничный, мёртвый. Белый, который делает всё — плоским, белым, неживым.

И все — увидели.

Комната — небольшая, метров двадцать. Стены — обиты чем-то мягким, серым, как в звукоизолирующей кабине. Пол — бетонный, ровный. Потолок — низкий, ниже, чем в коридоре, с двумя лампами, которые светили — вниз.

Дина — лежала.

На полу, посередине комнаты. Лицом — вверх. Глаза — открыты. Волосы — разметались, каштановые, с выбившимися прядями, которые теперь — не выбивались, а — лежали. Плечи — ровно. Руки — вдоль тела. Одна рука — согнута, пальцы — сжаты. В кулаке — фишка. Четвёрка.

На голове — след. Тёмный, мокрый, на виске, слева. Кровь — тёмная, густая, которая натекла по волосам и на пол, и на полу — пятно, которое расплзлось, медленно,

ровно, как — лужа после дождя.

Рядом — металлический фрагмент. Кусок — трубы, или — декорации, или — чего-то, что должно было быть частью квеста. Тяжёлый, ржавый на концах, с одного края — чистый, без ржавчины. Свежий. Острый.

Дина лежала и — не двигалась.

Виктор — первый. Врач. Он подошёл, присел, приложил пальцы к шее. Держал. Долго. Слишком долго.

— Виктор? — Лена. Голос — тихий, профессиональный, но — на дне, под спокойствием, — трещина.

Виктор убрал руку. Посмотрел на всех. Лицо — серое, старое, морщинистое, с тем выражением, которое бывает у врачей, когда они — знают, но — не хотят сказать. Когда слово, которое они должны произнести, — слишком тяжёлое, и они — держат его во рту, как камень.

— Она — мертва, — сказал Виктор. Тихо. Просто. Как — диагноз.

Тишина.

Не та, которая была в темноте. Другая. Светлая, жестокая, в которой — видно всё. Каждое лицо. Каждый взгляд. Каждый — жест.

Соня — стояла у стены, прижав блокнот к груди, и губы — шевелились, но — слов не было. Она — записывала. Всю жизнь — записывала. А сейчас — не могла.

Максим — стоял, ноги шире плеч, и лицо — красное, и руки — сжаты в кулаки. Он не кричал. Он — молчал. И в

этом молчании — было страшнее, чем в крике.

Олег — сидел на полу, у стены. Сел — когда свет включился. Ноги — поджаты, руки — обхватили колени. Глаза — большие, тёмные, испуганные. Он — не смотрел на Дину. Он смотрел — в пол. Как — в темноте.

Марина — стояла, спиной к стене, и ладонь — прижата ко рту. Она — не кричала. Она — держала крик внутри, ладонью, обеими руками, и глаза — были мокрые, но — слёз не было. Слёзы — потом. Сейчас — шок.

Костя — стоял рядом с Диной. Ближе всех. Он — нашёл лист. Он — держал зажигалку. Он — видел её лицо, когда она прочитала. Он — последний, кто слышал её голос. И теперь — стоял и смотрел, как — кровь расплзается по полу, медленно, ровно, и — не может отвести взгляд.

Артём — у стены. Бледный. Впервые — бледный, по-настоящему. Улыбки — не было. Лицо — ровное, но — белое, как — стена. Он смотрел на Дину и — молчал.

— Это — не квест, — сказала Соня. Голос — хриплый, сорванный, но — громкий. — Это — авария.

— Что-то — пошло не так, — сказал Артём. Голос — ровный, но — пустой. Будто слова — без содержания. Будто — он говорит, потому что — надо что-то говорить.

— Что-то — пошло — не так?! — Соня. Крик. — Она — мертва! Человек — мёртв! Вы — говорите — «что-то пошло не так»?! —

— Я — не знал. Я — не видел. Темнота...

— Вы — организатор! Вы — всё — построили! Вы — знали, что — в комнате — темно! Вы — знали, что — люди — не видят! И — что? Один — кусок металла — и — всё?!

— Я — не знал, — повторил Артём. Тише. — Я — не знал.

— Не знали — что? Что — она — умрёт? Или — что — в комнате — кусок трубы?

— В комнате — не должно было быть — ничего. Пол — ровный. Стены — мягкие. Я — проверял.

— Проверяли! — Максим. Голос — громкий, тяжёлый, как — его кулаки. — Кто-то — убил её. В — темноте. Кто-то — ударил. Кто-то — из нас.

Все — замолчали. Все — посмотрели — друг на друга. Девять человек. Нет. Восемь. Дина — лежала. Восемь — стояли, сидели, смотрели.

— Кто-то — из нас, — повторил Максим. Медленно. Глядя — на каждого. По очереди.

— Спокойно, — сказала Лена. Голос — ровный, клинический, привычный. Но — руки — дрожали. Чуть. Она их — опустила, чтобы — не видели. — Нужно — не паниковать. Нужно — думать.

— Думать?! — Соня. — Дина — мертва! Как — думать?!

— Именно — поэтому — думать. А не — кричать.

Лена посмотрела на Артёма. Долго. Внимательно. С тем взглядом, которым — смотрела на парковке, в коридоре, в первой комнате. Взглядом, который — читал.

— Артём, — сказала она. — Дверь. Через которую — во-

шли. Она — заперта?

Артём — не ответил. Он — шёл к двери. Нажал. Толкнул. Дверь — не поддалась.

— Заперта, — сказал он.

— А — следующая?

Он — повернулся. Прошёл через комнату, обходя — тело, обходя — пятно, обходя — всех. К другой двери. Нажал. Толкнул. Заперта.

— Заперта, — повторил он. — Но — здесь...

Здесь — кодовый замок. Электронный, с цифрами. И — рядом, на стене, приклеенный скотчем, лист бумаги. С текстом:

«Чтобы открыть следующую дверь, решите загадку. Загадка — на обратной стороне подсказки, которую вы нашли».

Все — посмотрели на Дину. Точнее — на её карман. Тот, в который она — сунула лист.

Костя — подошёл. Медленно. Присел. Достал из кармана Дины — смятый лист. Развернул. Перевернул.

На обороте — ребус. Рисунки, буквы, стрелки. Знаки, которые — что-то значили.

— Лена, — сказал Костя. — Вы — психолог. Вы — решаете — головоломки?

— Я — решаю — людей. Но — давайте.

Лена взяла лист. Перевернула. Посмотрела. И — начала — решать.

А за её спиной — Дина лежала. Спокойная. Будто — спит. Лицо — ровное, без — боли, без — страха. Только — тёмное пятно на виске. И — кровь, которая — уже не текла, а — застыла. Чёрная, в холодном свете лампы.

И фишка. Четвёрка. В кулаке, который — не разжать.

И на стене, за спинами всех, проектор — включился. Сам. Без — щелчка, без — команды. Просто — свет. Белый. Яркий. На — серой стене.

Тот же текст. Считалочка. Три строки.

Девять вошли в комнату без окон, Девять душ, девять секретов. Первая падёт во тьме, не видя руки.

Первая строка — была — зачёркнута. Красной линией. Тонкой, ровной, как — учительской рукой. Зачёркнута — насквозь, через все слова, от — первой буквы до — последней.

Первая падёт во тьме, не видя руки.

Зачёркнуто.

Первая — пала.

Никто — не заметил. Все — смотрели на Дину. На — кровь. На — Лену, которая — решала ребус. На — Артёма, который — стоял, бледный, без — улыбки. На — друг друга.

Никто — не смотрел — на стену.

Кроме — Лены.

Она — увидела. Боковым зрением, краем глаза, не — поворачивая головы. Увидела — зачёркнутую строку. И — поняла. Не всё. Не — сразу. Но — одно: это — не авария. Это

— не — «что-то пошло не так». Это — план.

Но — промолчала. И — продолжала — решать.

Потому что — дверь — заперта. А — единственный выход — через следующую комнату.

И — назад дороги — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.